

Иван Иванович Голиков

**Деяния Петра Великого,
мудрого преобразителя
России**

Том 15

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И17

Иван Иванович Голиков
И17 Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России: Том 15 / Иван Иванович Голиков – М.: Книга по Требованию, 2014. – 796 с.

ISBN 978-5-519-01744-2

ISBN 978-5-519-01744-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014
© Иван Иванович Голиков, 2014

ДѢЯНІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО,
МУДРАГО
ПРЕОБРАЗИТЕЛЯ РОССИИ,

СОБРАННЫЯ ИЗЪ ДОСТОВѢРНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ И
РАСПОЛОЖЕННЫЯ ПО ГОДАМЪ.

СОЧИНЕНІЯ

Н. Н. ГОЛІКОВА.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1841.

* ПИЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва,
Сентября 8 дня, 1841 года.

Цензоръ, Статскій Советникъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

АНЕКДОТЫ

КАСАТЕЛЬНО ДО ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ.

Г.

ПРАВЛЕНИЕ ОТЪ ВОДЫ ВЪ ДѢТСТВѢ БЕЗСТРАШНАГО НАШЕГО
ИРОЯ.

Вся летопись наши согласны въ томъ, что въ Ироѣ нашемъ съ самаго нѣжнаго дѣтства примѣчна была особенная склонность къ воинскимъ упражненіямъ; какъ-то я и описалъ оное въ первомъ Томѣ Дѣній его; но склонность сія ограничивалась однако-же сухопутными только экзерциціями, а не простиралась на водныя, хотя и слушалъ онъ охотно отъ учителей своихъ описанія морскихъ сраженій.

Причину сего открываетъ намъ рукопись Г. Крекшина, которую я называю обыкновенно Дневникомъ, то-есть, что онъ въ дѣтствѣ своемъ крайне бывъ испуганъ водою, имѣлъ отъ оныхъ отвращеніе (*). Мы опшиемъ сіе происшествіе съ точностію.

Справно однакожь, что Г. Миллеръ, столь впрочемъ благоразумный искатель дремостей и происшествій историческихъ, отрицаетъ справедливость рукописи оной, равно какъ и того, будто-бы Ироѣ нашъ не былъ въ потышной ротѣ барабанщикомъ, называлъ и то и другое баснею, отъ Страленберга выдуманною. Сіе Г. Миллера нѣмѣе подтверждаетъ и друой, не менше важный писатель, Г. Болтинъ, въ книгѣ своей на Леклерка; во отдавая сямъ только именитымъ людямъ всю впрочемъ справедливость, не можно отнюдь согласиться съ нимъ о семъ мнѣшемъ. Они не хотѣли, какъ видно, взять на себя труда рассмотреть сего, что рукопись оная и общее о семъ преданіе старзе Страленберга, который писалъ свою Исторію

Царица Наталья Кириловна, мать Ироя нашего, въ вѣснее время посѣщала монастыри, и при переездѣ черезъ одинъ ручеекъ, отъ наводненія сдѣлавшійся нарочитою рѣкою, имѣя пятнадцатилѣтняго сего сына твоего на рукахъ спящаго, и сама нѣсколько воздремавшая, шумомъ сильно стремившагося ручья сего и крикомъ людей пробудившихся и увидя воду въ каретѣ, и оную нѣсколько наклонившуюся и опрокинутую готовую, (по крайней мѣрѣ страхъ представилъ ей сіе) сильно закричала. Царевичъ, отъ сего крика пробудившійся, увидя блѣдность испуганной матери, воду въ каретѣ и шумное стремленіе воды, столько пораженъ былъ страхомъ, что тогда-же получилъ лихорадку.

Такое сильное впечатлѣніе въ сердцѣ младаго Государя произвело такое отвращеніе отъ воды, что онъ не могъ взирать на рѣку, на озеро и даже на прудъ равнодушно; и хотя онъ всячески старался

въ Сибиря, куда онъ послѣ плыва своего подъ Полтавою былъ сосланъ; а рукопись Крекшина, какъ самъ онъ уверялъ меня, писана имъ до 1709 года, и взята изъ записокъ первыхъ лѣтъ царствованія Монарха, и общаго о томъ преданія, о которомъ, безъ сомнѣнія, слышался отъ Россійца и Г. Стралецбергъ, среди которыхъ онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ. Хотя-же и то правда, что сей Шведъ не изъ числа достойныхъ во всемъ взорятія писателей, какъ-то имъ показали сіе во введеніи въ Двѣнадцатый Петра великаго; но сія самая недостоверность его болѣе еще подтверждаетъ справедливость рукописи оной. Онъ выдумывалъ только то одно, чѣмъ-бы могъ очернить славу Великаго Государя; приписывая ему изъ мщенія, яко побѣдителя соотчичей его, жестокость и другіе пороки; но выдумывать ему такіа происшествія, которыя не только не обезславливаютъ его, но дѣлаютъ еще ему и честь, отнюдь не совмѣстно съ ненавистью къ Россіи сего писателя. Да и какъ можетъ придти въ голову плывному иностранцу такая странность, ежелибы онъ не слышался о ней, какъ выше сказано, отъ самыхъ Россійца?

Впрочемъ подтверждали имъ повествуемое рукописью Крекшина и многіе почтенные старцы; а Г. Крекшинъ о справедливости сего неоднократно уверялъ меня-же клятвенно; какое-же можетъ быть болѣе сего удостовѣреніе, когда современники Великаго Государя согласно утверждали сіе? Да и въ причинѣ, наведшей страхъ сей младому Государю, ничего нѣтъ страннаго и невѣроятнаго.

спрывать сей страхъ свой, однакожь примѣтеи оный былъ потому, что никогда не видали его ни плавающего по водамъ, ни переезжающаго въ бродъ чрезъ рѣку, какъ-бы она, ни мала была, и ниже чтобъ когда либо искупался онъ въ рѣкѣ или въ прудѣ, что продолжалось даже до четырнадцатилѣтняго его возраста.

Въ сіе-то время освободился онъ отъ страха сего слѣдующимъ образомъ.

Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, занимавшій при немъ мѣсто дядьки, предложилъ Его Величеству позабавиться псовою охотою; и хотя младшій Государь не любилъ сей охоты, но изъ уваженія къ просьбѣ сего Князя согласился на оное. Во время сей забавы, Князь, желая истребить въ Государь страхъ отъ водъ, съ намѣреніемъ завелъ его къ берегамъ рѣки Истры. Монархъ, увидя рѣку, остановилъ коня своего. Князь спросилъ тому причину; и Государь съ видомъ огорченнымъ сказалъ: куда ты завелъ меня? Къ рѣкѣ, отвѣтствовалъ Князь. Ваше Величество видите, сколь утомилась лошадь и запыхались охотники, такъ нужно лошадямъ дать отдохнуть и прохладиться, а людямъ вымыться. Родитель твой, заключилъ Князь, часто сіе дѣлывалъ, и въ сей рѣчкѣ самъ купывался; и не дожидаяся отвѣта, поехалъ чрезъ оную, а между тѣмъ съ охотники, по предварительно данному приказу, радѣвшися, въ мигъ очутились въ рѣкѣ купающимися. Сначала на сіе досадовалъ Монархъ, но увидя Князя переехавшаго и съ другаго берега приглашающаго его къ себѣ, постыдился показать себя страшщимся водъ, и сдѣлавъ, такъ сказать, нѣкоторое насиліе себѣ, осмѣлился въѣхать въ рѣку и переехать оную. Всѣ бывшіе при Его Велиествѣ и за нимъ слѣдовавшіе, видя страхъ его, обрадовались сему, да и самъ Монархъ ощутилъ уже въ себѣ отъ сего переезда нѣкое удовольствіе.

Царь, братъ его, узнавши о семъ, чрезъ нѣсколько времени пригласилъ его съ собою въ село Измайлово, въ которомъ было нѣсколько прудовъ, способныхъ къ купанію. Онъ далъ тайно приказъ молодымъ своимъ Царедворцамъ, что когда будетъ онъ съ Царемъ братомъ своимъ прогуливаться у прудовъ, тобъ они разрѣзвляя стаскивали другъ друга въ воду. Все сіе было исполнено; и хотя младшій Государь крайнее на сіе оказалъ негодованіе, но, снѣ однако-же молодые люди, по данному-же приказу раздѣвшись, начали въ водѣ купаться и рѣзвиться. Рѣзвость сія мало по малу разсмѣшила младаго Государя, и онъ уже смотрѣлъ на то съ такимъ равнодушіемъ, что наконецъ согласился на предложеніе брата своего, и самъ съ нимъ послѣдовать ихъ примѣру; и съ того времени совершенно миновалось отвращеніе его отъ воды.

Въ семъ-то селѣ Монархъ скорѣ послѣ сего нашелъ старшій и брошенный ботикъ, который возбудилъ въ немъ чрезвычайное желаніе къ заведенію морскихъ силъ; и посему-то назвалъ онъ его дѣдушкою Россійскаго флота, какъ-то сіе всѣмъ уже извѣстно.

И мы видѣли, что коль сильное было его сначала отвращеніе отъ воды, тѣмъ сильнѣйшее родилокъ въ немъ безстрашіе къ плаванію на самыхъ уже моряхъ, и даже въ самыя бурныя времена; а сіе доказываетъ, что не было въ немъ ни одной такой страсти, которой-бы не могъ онъ преодолѣть въ себѣ, какъ-то сіе подтверждается ниже; а между тѣмъ одинъ безстрашія его на морѣ примѣръ представимъ въ слѣдующемъ анекдотѣ

II.

Неустрашимость Государева въ плаваніи на моряхъ.

Мы видѣли въ I Томѣ Дѣяній (стр. 259) постигнувшее Великаго Государя крайнее бѣдствіе въ безопыт-

лож еще плаванія его на Бѣломъ морѣ, когда отъ жестокаго штурма и самыя опытные мореходцы приведены были онымъ въ ужасъ, лишившій ихъ всякаго рѣшимаго, кромѣ одного его и простаго кормщика; и какъ на семь морскомъ суднѣ находилось нѣсколько иностранцевъ, взятыхъ имъ съ собою изъ Архангельска, то одинъ изъ сихъ о семъ бѣдственномъ приключеніи изъясняется такъ: «Когда Царь въ 1694 году отъ пристани Архангельской выехалъ въ Океанъ, то такая страшная поднялась буря, что все съ нимъ бывшіе пришли въ чрезвычайный ужасъ, и стали молиться; приготавливаясь къ смерти; одинъ только молодой Государь казался нечувствительнымъ къ ярости свирѣвствующаго моря. Онъ равнодушно возложилъ на себя обѣщаніе, ежели благовременный подастся случай и не воспрепятствуютъ государственныя нужды, побывать въ Римѣ, и отдать поклоненіе мощамъ Св. Апостола Петра, своего патрона, пошелъ къ кормщику, и веселымъ видомъ ободрялъ къ должности всѣхъ унывшихъ и отчаяніемъ пораженныхъ сердца»

Смотри о семъ Acta eruditorum, anno 1708, pag. 218,

Сіе засвидѣтельствованіе важно, яко отъ иностранца, не могущаго быть пристрастнымъ.

Но мы дополнимъ еще здѣсь оное. Поминутый кормщикъ былъ тамошній Цюхонскій крестьянинъ Антипъ Пановъ; онъ только одинъ съ Монархомъ въ общемъ томъ страхѣ не потеряли резолюціи; и какъ сей крестьянинъ былъ презнающій на тамошнемъ морѣ кормщикъ, то когда Государь, пришедъ къ нему, сталъ ему въ дѣль его указывать, и куда должно направлять судно, то сей съ грубостію отвѣчалъ ему: «ходи пожалуй прочь; я больше твоего знаю, и вѣдаю, куда правлю.» И такъ когда управилъ онъ въ губу, называемую «Уяскіе рога», и между подводныхъ каменьевъ, коими она была наполнена, счастливо проведя судно, присталъ

къ берегу у монастыря, называемаго Петропавловскимъ, тогда Монархъ, подошедъ къ сему Антипу, сказалъ: помнишь-ли, братъ, какими ты словами на судишь меня отподчивалъ? Крестьянинъ сей въ страхъ падши къ ногамъ Монарха, признавался въ грубости своей и просилъ помилованія. Великій Государь поднялъ его самъ, и три раза поцѣловавъ въ голову, сказалъ: «ты не виноватъ ни въ чемъ, другъ мой; и я обязанъ еще благодарностию тебѣ за твой отвѣтъ и за искусство твое.» И тогда-же, переодѣвшись въ другое платье, все бывшее на немъ, измоченное даже до рубашки, пожаловалъ ему въ знакъ памяти, и сверхъ того опредѣлилъ ему-же годовую до смерти его пенсію.

III.

ИСУСЛОВІЕ ДУХА ВЪ САМОМЪ ЖЕСТОЧАЙШЕМЪ РАСПЯТІИ
ГЛАЗА НИКОГДА НЕ ОСТАВЛЯЛО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Изъ Дѣяній Его Величества видѣли мы, что и по заключеніи въ Дѣвичій монастырь Царевны Софій Алексеевны старалась она всегда заводить тайно бунты на державнаго брата своего, отлучившаго ее отъ правленія государствомъ, которыя однако-же всегда были разрушаемы бдительнѣйшимъ Монархомъ. Но сколь должно быть сіе чувствительно сердцу его, то удобно понять каждому; онъ не однократно выходилъ изъ терпѣнія, и въ гнѣвъ своемъ предпринималъ пресѣчь нить дней толико мнѣжныхъ и злобныхъ сея сестры своей. Мы уже видѣли въ X Томѣ Дѣяній (стр. 319 и слѣд.), что Великій Государь, будучи въ таковомъ раздраженіи, изчисля всѣ ея на жизнь свою покушенія, опредѣлилъ было наконецъ совершенно избавиться отъ нее, какъ отъ главнѣйшаго своего злодѣя: но къ уту-

шевно гнѣва его и къ отвѣтъ такового опредѣленія стоило только Г. Лефорту напомнить ему, что она ему сестра, и что Туркамъ только свойственно омокать руки въ крови родныхъ своихъ, и проч. И такъ вмѣсто казни удовольствовался онъ самоличнымъ только ей выговоромъ, но слезами ея толико еще умигчился, что соединилъ съ ея слезами и свои, и выходя отъ нѣй, произнесъ тому-же Лефорту сіи слова: «Она имѣетъ великой разумъ, но жаль, что столько зла.»

А какъ и послѣ сего прощенія она не преставала вводить подобныя-же бунты и умыслы на жизнь только великодушнаго брата и Государя своего: то Монархъ въ открывшійся одинъ изъ таковыхъ заговоровъ, желая узнать отъ ней самой нѣкія обстоятельства оваго, пріѣзжаетъ въ монастырь, входитъ къ ней съ сверкающими гнѣвомъ глазами, уличаетъ ее новыми въ жизнь свою умыслами, и требуетъ ея признанія и отвѣтовъ на вопросы свои. Сколь ни явны были Государевы улики, но она однакожь ни въ чемъ не признается; сего еще не довольно: гордость ея, колкостию, такъ сказать, упрековъ Монаршихъ разбужденная, разгорячаетъ ее, и сколь колкими, столь и оскорбительными выраженіями защищаяся, обвиняетъ въ мнѣжахъ гнѣва его самаго. Толикая непризнательность, непокоривость и ѣдкость отвѣтовъ ея, выводитъ Монарха изъ терпѣнія; онъ въ крайней запальчивости, сказавъ, что одна смерть ея доставитъ ему безопасность: — Умири, злодѣйка! — и выхватываетъ на пораженіе ея мечъ свой. Въ самое сіе мгновеніе бывшая при Царевнѣ двѣнадцатилѣтняя служившая ей дѣвушка становится между Государемъ и Царевною, бросается къ ногамъ Государевымъ, и ухватившись за оныя, вопіетъ: «Что Ты дѣлаешь, Государь? Вспомни, она родная Тебѣ сестра.» Слово сіе останавливаетъ его, мечъ выпадаетъ изъ рукъ его, и онъ, помолчавъ съ минуту, прощаетъ таки мятежную и непокоривую сестру; а дѣвушку цѣ-

луетъ въ голову, говоря: «Спасибо, дѣвочка, я тебя и забуду!» успокоивается и выходитъ (*).

«Изъ всехъ побѣдоносцевъ наибольшій есть тотъ кто побѣждать можетъ страсти свои, а паче гнѣвъ, говоритъ одинъ писатель.

Прой нашъ, по горячему темпераменту своему, и рѣдко распался крайнимъ гнѣвомъ; но присутствіе духа его и въ такомъ положеніи никогда его не оставяло. Ниже увидимъ мы сѣму сплывша доказательства а здѣсь приведемъ тому-же одинъ еще примѣръ:

Онъ въ одно время за дерзновенныя слова того-же самаго Лефорта крайнимъ воспылалъ на него гнѣвомъ и что особливо замѣтить должно, то было сіе при одной пирушкѣ, когда и винныя еще пары затмѣвали нѣсколько разсудокъ его. Въ такомъ кипящемъ, такъ сказать, гнѣвѣ, выхвата изъ ноженъ кортикъ свой устремился на пораженіе его; но любимецъ сей, знавши его совершенно, не уклонился отъ Государя ни малю; онъ, обнажа грудь свою: «рази, сказалъ, ревностнаго твоего слугу, вотъ грудь его!» Въ мигъ выпадаетъ изъ рукъ его оружіе, и вмѣсто пораженія бросается въ его объятія и проситъ прощенія. Аббат Милотъ, описывающій сіе, въ удивленіи восклицаетъ «убійца Клитовъ Александръ тѣмъ меньшаго достоинна и виновна, чѣмъ лучше его получилъ воспитаніе,» проч.

(*) Дѣвушка сія по смерти Царевны чрезъ нѣсколько лѣтъ постриглась въ томъ-же монастырѣ, нареченна Евросиміею, и въ глубокой старости скончалась предъ симъ не болѣе какъ лѣтъ за пять. Она всею да сіе рассказывала всѣмъ знакомымъ своимъ; вѣки изъ нихъ помнитъ живы, которые сами сіе слышавшее отъ нее рассказываютъ другимъ; и я-бы хотѣла назвать ихъ, но нѣтъ на то ихъ воли.